

Этнический аспект изменения административно-территориального устройства Крайнего Северо-Востока России в новейшее время

Людмила Николаевна Хаховская,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило ДВО РАН, Магадан.

E-mail: hahovskaya@mail.ru

Автор прослеживает динамику административно-территориального деления региона в советский и постсоветский периоды, выявляет соотношение его этноспецифических и общесоциальных форм. Методологический подход базируется на некоторых положениях теорий М. Фуко, Ж. Делеза и Ф. Гваттари, М. Арчер. Автор полагает, что проявления этничности на низовом уровне обусловлены и ограничены рамками выстроенных структур. Доминирующая власть играет ведущую роль в создании социального и номенклатурного пространства, тогда как внутриэтнические движения осваивают уже обустроенные институты и инфраструктуры. В первоначальный советский период административно-территориальное обустройство Крайнего Северо-Востока носило выраженный этноподдерживающий характер (создание этнически маркированных районов и округов). Автор определяет этот процесс как территориализацию этничности. Отмечается, что позже произошёл переход от этноспецифических к общесоциальным формам административно-территориального устройства. Основную роль в этом сыграли текущие процессы миграций, экономического освоения, взаимодействия властных структур на местах. В Охотско-Колымском регионе центральная власть отказалась от этнического принципа районирования из-за усиленного освоения золотоносных месторождений. В целом советское время характеризуется ярко выраженной вертикальной трансформацией административно-территориальной структуры. Во время перестройки произошла активизация этнического фактора в общественной и обыденной жизни. Представители местных управленческих элит, этнические активисты и рядовые жители Чукотки развернули борьбу за отделение национального округа от Магаданской области. Автор усматривает в этом социальном движении элементы горизонтальной трансформации этнических процессов, так как центральные органы реагировали на требования, выдвигаемые на местах. В последние десятилетия этнические активисты добиваются включения г. Магадана в список территорий компактного проживания абorigенов.

Это общественное движение является примером истинной горизонтальной трансформации административно-территориальной системы. Автор обозначает данный социальный сдвиг как переход от территориализации этничности к этнизации территорий.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, Охотско-Колымский край, Охотско-Эвенский округ, Чукотский округ, Магаданская область, этнические трансформации, автономия, места компактного проживания, общественные движения.

Ethnic Aspect of the Dynamics of the Administrative and Territorial Structure of the Far North-East Russia in Modern Times.

Liudmila Khakhovskaya, North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute n.a. N.A. Shilo, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences (NEISRI FEB RAS), Magadan, Russia. E-mail: hahovskaya@mail.ru.

The author traces the dynamics of the administrative and territorial division of the region during the Soviet and post-Soviet periods, reveals the ratio of ethnospecific and general social forms. The methodological approach is based on some aspects of the theories by M. Foucault, J. Deleuze and F. Guattari, and M. Archer. The author believes that the manifestations of ethnicity at the grass-roots level are conditioned and limited by the framework of the established structures. The dominant power plays a leading role in creating a social and administrative space, while intra-ethnic movements master already equipped institutions and infrastructures. During the initial Soviet period, the administrative and territorial arrangement of the Far North-East had ethno-supporting character (the creation of ethnically marked districts). The author defines this process as the territorialization of ethnicity. The transition from ethno-specific to general social forms of administrative and territorial structure occurred later. The current processes of migration, economic development, and interaction of local authorities played a major role. In the Okhotsk-Kolyma Region the central government abandoned the ethnic principle of zoning due to the intensive development of gold deposits. In general, the Soviet era is characterized by a strong vertical transformation of the administrative and territorial structure. During perestroika, the ethnic factor in public and everyday life intensified. The representatives of local administrative elites, ethnic activists and ordinary residents of Chukotka launched a struggle to separate the Chukotka National District from the Magadan Region. The author sees the elements of the horizontal transformation of ethnic processes in this social movement as the central bodies reacted to the local demands. In recent decades, ethnic activists have been striving to include the city of Magadan in the list of areas of compact residence of native population. This social movement is an example of a truly horizontal transformation of the administrative and territorial system. The author indicates this social shift as a transition from the territorialization of ethnicity to the ethnicization of territories.

Keywords: indigenous peoples of the North, Okhotsk-Kolyma Region, Okhotsk-Evensky District, Chukotka District, Magadan Region, ethnic transformations, autonomy, places of compact residence, social movements.

Развитие региональной дальневосточной этнографии на протяжении длительного времени происходило под влиянием идей и личности Вадима Анатольевича Тураева, светлой памяти которого посвящён этот выпуск. Приоритетными темами научных исследований Вадима Анатольевича были тенденции и пути социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера. Какие этнические процессы имели место у них на протяжении «долгого» двадцатого века, как менялся их культурный облик, материальный мир и среда обитания — всё это исследователь описывал с большим талантом, отмеченным и глубиной проникновения в научную проблему, и искренним сопереживанием тем, кого он изучал.

Основу методологического подхода В.А. Тураева можно обозначить как своего рода этнический реализм, опирающийся на его жизненный и профессиональный опыт журналиста, полевого этнографа и академического учёного. Плодотворной исследовательской базой для него были положения, разработанные в рамках советской теории этноса: так, в монографии о дальневосточных эвенках применяется понятие хозяйственно-культурного типа (ХКТ) [12]. Вадим Анатольевич с успехом использовал результаты статистического анализа, архивные сведения, данные наблюдений и бесед с местными жителями.

В последние десятилетия важной теоретической платформой для В.А. Тураева стал социальный конструктивизм, направленный на раскрытие контекстуальной и ситуационной обусловленности явлений, происхождение которых может восприниматься как естественное. Ему были близки идеи Ф. Барта [2], рассматривавшего культуры как общие для того или иного сообщества институты, практики, привычки и представления, находящиеся в подвижном состоянии. В рамках социального конструктивизма произошёл переход от идеи культуры как целого, обладающего неким устойчивым ядром, к представлению о культурном процессе, который можно рассматривать лишь в контексте отношений с государством и окружающими сообществами.

В развитие идей В.А. Тураева, которого я искренне чтю как научного наставника и блестящего исследователя, данная статья посвящена этническому аспекту динамики административно-территориального устройства Крайнего Северо-Востока (современные Магаданская область и Чукотский автономный округ). Цель статьи — выявить, как в административном и территориальном устройстве соотносились их этноспецифические и общесоциальные формы, чем были вызваны те или иные подвижки и каковы были механизмы соответствующих реформ. Эти изменения прослежены в хронологических рамках новейшего времени (советский и постсоветский периоды).

Административно-территориальное реформирование является прерогативой центральных органов власти, использующих данный инструмент для управления общественными процессами, в том числе этническими. Теоретико-методологическая база исследования основывается на положении о том, что проявления этничности на низовом уровне (в модусе

территориальной «привязки») обусловлены и ограничены рамками выстроенных сверху структур и институтов. Иначе говоря, ведущая роль признаётся за доминирующей властью, тогда как внутриэтнические движения осваивают уже обустроенное институциональное и инфраструктурное пространство.

В основе подхода лежит совокупность положений, разработанных в различных областях гуманитарного знания. Так, генеалогический метод Фуко говорит об универсальности проявлений власти, обусловленной тремя её основными чертами. Во-первых, власть функционирует преимущественно производящим, а не только и не столько подавляющим образом. Во-вторых, она носит капиллярный характер, т.е. проявляется во всех социальных практиках. В-третьих, власть соприкасается с человеческой жизнью через социальные практики в большей степени, нежели через идеологии [13]. Власть — это социальное принуждение, эффективно работающее вследствие его распределённого, постоянного и порой незаметного присутствия. Власть любого происхождения и уровня учреждает институты и обустроивает инфраструктуру, однако государству здесь принадлежит особая роль.

Опорой исследования служат также некоторые положения номадологической теории Ж. Делёза и Ф. Гваттари. Авторы предлагают образ ризомы как сети множественных нелинейных неиерархических связей. В их интерпретации она имеет реальный этнографический смысл, поскольку связана с культурой кочевников, противопоставленной культурам оседлым и, в особенности, государству. Неотъемлемыми свойствами ризомы являются её гетерогенность (способность включать разнородные элементы), регенеративность (способность восстанавливаться в любом месте разрыва) и изоморфность (способность следовать любым линиям развития) [5]. Ризома детерриториальна, а государство стремится к территориальным закреплениям путём установления границ и сегментации географического, физического и социального пространства.

Ризома, по существу, лишена генеалогии, и это можно понять в том смысле, что конкретные исторические формы она обретает в ходе взаимодействия с сегментирующим агентом, в данном случае государством. Это позволяет видеть улавливающую и проясняющую роль государства, которое своим захватом, закреплением и структурированием вызывает бесконечное развитие ризомы.

Дальнейшим уточнением этого подхода в интересующем нас аспекте является концепция М. Арчер. Используя трансформационную модель социального действия, она различает структуру и деятельность, вводя утверждение о пресуществовании социальных структур. Речь идёт о том, что социальные структуры не сводятся к действиям современных членов сообщества, а ведут своё происхождение от предшествующих социальных сил. Если же в результате какой-либо деятельности возникает структура, то ею определяется уже последующая деятельность. Тем самым утверждается инициативный и формирующий характер структур [1].

На основании изложенного считаем возможным применить трансформационную модель к этническим процессам, что позволит понять, каким образом происходит переход этнических свойств в качественно иное состояние, но при этом сохраняется преемственность этнической идентичности. В данной модели государство как доминирующая власть выступает активным началом «этностроительства». Его активность коренится в способности к формообразованию через создание сегментирующих и регулирующих структур. Именно эти структуры обуславливают развитие этнической субстанции путём её усложнения и повышения разнообразия, пусть даже внешне это выглядит как фрагментация и разобщение. Таким образом, учреждающее и последующее инерционное воздействие на этничность имеют структуры, возникающие вне «референтных» (т.е. испытывающих воздействие) этнических сообществ. Этот вид воздействия можно обозначить как вертикальный регистр трансформации этничности.

В то же время целенаправленные или спонтанные действия членов этнических групп тем или иным способом осваивают наличные формы. Этничность как реализация особого модуса социальности в рамках учреждённых структур и норм вступает во взаимодействие с повседневной рутинной, с практическим течением жизни, в которой неизбежно происходят и этнокультурные подвижки, и перемены неэтнического характера. Эти процессы обуславливают горизонтальный регистр трансформации этничности. Именно эта активность обеспечивает те свойства ризомы, о которых говорилось выше.

СОВЕТСКАЯ ТЕРРИТОРИАЛИЗАЦИЯ ЭТНИЧНОСТИ: РАЙОНЫ И КУЛЬТБАЗЫ

В начале XX в. исследуемый регион населяли преимущественно коренные жители, но этническая приуроченность административного деления отсутствовала. Единственной административной локацией, указывающей на референтный народ, стал Чукотский уезд, образованный в результате разукрупнения Анадырского округа в 1909 г. [6, с. 129]. Территории, составлявшие будущую Магаданскую область, номинально не отражали этническую принадлежность проживающего населения.

Административно-территориальная динамика советского времени базировалась на принципе национального самоопределения, который основывался на положении о связи каждого народа с территорией его обитания. Шла своего рода территориализация этничности: идеология автономизации влекла за собой практику предоставления народам отдельных территорий, а также обустройство на них специальных поселений и инфраструктуры, предназначенных именно для аборигенов.

В первоначальный советский период этноподдерживающий принцип административного устройства активно отстаивали ведущие деятели

Комитета Севера, считавшие, что референтный народ станет основным субъектом развития «своей» территории, которая в идеале мыслилась как этнически гомогенная. Административное деление региона поэтому озаменовалось созданием в 1927—1928 гг. ряда районов, при «нарезке» которых руководствовались данными о преобладании того или иного населения и необходимости предоставить право территориальной автономии каждой, даже самой немногочисленной этнической группе.

В итоге в регионе возникла, казалось бы, стройная и логически обоснованная сетка «туземных» районов. В составе Камчатского округа выделены: Эскимосский; Анадырский народа чаучу¹; Северный народа чаучу; Туземный южных чаучу; Верхне-Анадырский народа одул² и племени чуванцев; Керекский; Гижигинский эвенский. В Николаевском-на-Амуре округе образован Ольский эвенский район [11, с. 21—22].

Однако даже формальное номинирование этничности в ходе районирования по «национальному» признаку не смогло отразить действительного положения дел, поскольку представители одного и того же этноса жили в разных районах, ни один из них не был гомогенным, а некоторые отличались значительной этнической пестротой. Поэтому наименования только двух районов напрямую отсылали к «титულным» этносам, тогда как в остальных этническая маркировка достигалась за счёт многозвенной структуры, включающей имя одного (в одном случае — двух) народов. Вскоре Северный район народа чаучу стал Пенжинским, что говорит о возникшей тенденции упрощения номенклатуры за счёт отказа от многозвенности и опоре на название центрального поселения. В дальнейшем этот принцип образования хоронимов³ станет ведущим.

Первичные социальные реформы на местах базировались на смешанном принципе общественного устройства, при котором субъектами низовой власти становились как социальные (экстерриториальные), так и локальные группы. Кочевое население управлялось при помощи родовых советов и лагерных (стойбищных) комитетов, а оседлое — сельских и волостных советов. После районирования произошёл переход к туземным советам территориального типа, подразделявшимся на оседлые (сельские) и кочевые. Кочевые советы организовывались по принципу «экономического тяготения к обжитым селениям и местам территориального освоения» [ГАМО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 105. Л. 199]. Это деление существовало до конца 1940-х гг., после чего остаточная экстерриториальность, подразумеваемая указанием на кочевой образ жизни, отменяется и утверждается единая система сельсоветов с установленными границами.

Важная инициатива Комитета Севера по освоению окраин состояла в организации культурных баз (культбаз). Они должны были заниматься всеми сторонами жизни аборигенов — учить, лечить, поднимать экономику и уровень благосостояния. Отсюда вытекала установка на само-

¹ Этноним *чаучу* обозначает чукчей.

² Этноним *одул* обозначает юкагиров.

³ Хороним — наименование административно-территориальной единицы.

достаточность и самостоятельность, а также приближённость к местному населению. Культбазам предписывалось начинать работу с «чистого листа», дистанцируясь от структур власти. Именно поэтому первая в регионе и одна из первых в стране Чукотская (Лаврентьевская) культбаза обосновалась не в Уэлене, административном центре, а в почти безлюдном месте залива Лаврентия.

Местом дислокации Восточно-Эвенской (Нагаевской) культбазы (которая дала начало г. Магадану) избрали также практически необитаемые берега бухты Нагаева. Оседлого коренного населения здесь не было. Ближайшие кочевники (тунгусы, или эвены) также обходили эти места: «указанные тунгусы обитают в районе селения Армань и постоянно занимаются рыбной ловлей в реке Армань совместно с оседлыми тунгусами» [ГАМО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 105. Л. 97]. Таким образом, назначение культбаз для обслуживания исключительно коренного населения изначально оказалось под вопросом вследствие их нахождения вне мест проживания аборигенов. В итоге «культбазовский» метод управления этническими процессами оказался малоэффективным, что стало одной из причин скорой ликвидации этих структур.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОКРУГА: ПРОМЕЖУТОЧНОЕ ЗВЕНО ЭТНООРИЕНТИРОВАННОЙ ВЕРТИКАЛИ ВЛАСТИ

Образование туземных районов и делегирование этноорганизующих и жизнеобеспечивающих полномочий на районный уровень не стало эффективным решением по двум основным причинам. Во-первых, аборигенное население не могло обеспечить предполагавшуюся самоорганизацию в созданных сверху структурных рамках. Во-вторых, эти внешние по отношению к аборигенам органы управления не могли полноценно функционировать на низовом районном уровне из-за огромного разрыва в дислокации учреждений власти. Возникла острая необходимость «достроить» административную вертикаль, не упустив при этом этнонаправленный подход к её архитектуре. Данным промежуточным звеном стали округа. В обосновании их организации указывалось: «Отсутствие... национальных округов и подчинение национальных (туземных) районов непосредственно краевому центру в условиях Севера создаёт полную оторванность районов от руководства краевого центра, ввиду дальности расстояний, доходящих до нескольких тысяч километров» [11, с. 60].

Таким образом, краевая власть не имела непосредственного контакта с районной, находившейся в процессе формирования и, в свою очередь, не имевшей «вертикальной» опоры. Вследствие этого на местах шла борьба за политическое и социально-экономическое влияние между различными организациями. Сталкивались разные подходы к преобразованию аборигенного сообщества, имел место разноречивый, который сопровождался борьбой за доступ к позициям во властной структуре.

Например, руководство культбаз, как правило, вступало в противоречия с местной властью, о чём на примере Восточно-Эвенской культбазы сказано ниже.

Постановление ВЦИК РСФСР от 10 декабря 1930 г. «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» развивало идею национального представительства, самоуправления и огосударствления территорий проживания аборигенов. Вместе с тем окружное реформирование отразило номинальную иерархизацию коренных народов, при котором приоритет отдавался уже одному этносу, доминирующему на территории. Также оно сопровождалось переформатированием прежних районов: менялись их границы и названия, при этом из последних исчезла этнонимическая часть, уступив место нейтральным определениям.

В регионе были образованы два округа — Чукотский и Охотский (Эвенский), иначе называемый Охотско-Эвенским. В состав Чукотского округа (центр — Чукотская культбаза) вошли районы: Анадырский (центр — с. Ново-Мариинск), Чукотский (центр — Чукотская культбаза), Марковский (центр — с. Марково), Чаунский (центр — будущая Чаунская культбаза), районы Восточной Тундры (центр — с. Островное) и Западной Тундры (центр — с. Нижнеколымск). Два последних района выделены из состава смежной Якутской АССР.

В Охотско-Эвенский округ (центр — с. Охотск) вошли районы: Охотско-Оймяконский (центр — с. Охотск), Аяно-Майский (центр — порт Аян), Тугуро-Чумиканский (центр — с. Чумикан) и Ольско-Сеймчанский (центр — Восточно-Эвенская культбаза). Образование последнего района особенно показательно как пример собирания в укрупнённую административную единицу территорий преимущественного проживания тунгусоязычных эвенов. Сюда вошли: от Дальневосточного края — Ольский район; от Якутской АССР — часть территории расселения эвенов бассейна верхней Колымы и её притоков; от Камчатского округа — восточная часть Пенжинского района, населённая преимущественно эвенами [11, с. 61—62].

В данном постановлении унаследован ряд предшествующих установок Комитета Севера. Во-первых, это принцип этнически гомогенной «нарезки» территорий, что особенно хорошо видно по «собираанию земель» с тунгусоязычным населением, отличным от «других тунгусов» (эвенков). К Чукотскому округу «прирезали» те места, где проживало большое число чукчей. Во-вторых, «туземное» население не мыслили в отрыве от территории, тем самым проводя дальнейшую территориализацию этничности и акцентируя внимание на ведущей роли местных жителей.

Вместе с тем налицо и изменения, вызванные смещением регулирующего подхода. Прослеживается выстраивание приоритетности народов по признаку их численности, что и обусловило их представленность на карте региона. Прежде всего, из виду были выпущены малочисленные этнические образования, раньше имевшие «свои» территории (юкагиры, эскимосы, чуванцы). Далее, вскоре после образования округов в состав Якутской

АССР были возвращены район Западной Тундры и Оймяконский район, так как, помимо малочисленных народов (соответственно, чукчей и эвенов), здесь проживали якуты, которых руководство республики постаралось сохранить в составе «титულიной» территории [11, с. 276]. Таким образом, административно-территориальное регулирование поддерживало ту направленность этнических процессов, которая и составляет их содержание: вертикальная трансформация пространства обитания создаёт условия и рамки развития этничности, в том числе посредством институционализации системы иерархий и приоритетов.

Постановление президиума Дальневосточного крайисполкома «О проведении районирования Дальневосточного края» от 23 ноября 1932 г. подтвердило административную автономию созданных округов, утвердив их «как самостоятельные национальные округа, непосредственно подчинённые краю» [9]. Вместе с тем судьбы этих образований оказались разными: Чукотский округ успешно существует до настоящего времени, тогда как Охотско-Эвенский очень быстро прекратил существование вследствие радикальной перестройки властных структур.

ОХОТСКО-ЭВЕНСКИЙ ОКРУГ: СОПЕРНИЧЕСТВО ЭЛИТ И ВЛАСТЬ ЗОЛОТА

Восточно-Эвенская (Нагаевская) культбаза, основанная ещё до образования Охотско-Эвенского округа, по первоначальному плану не должна была быть с ним связана, так как не была выбрана в качестве центра, в отличие от других дальневосточных округов (Чукотского и Корякского). В этом решении, возможно, проявилось стремление вышестоящих органов хотя бы частично развести возникавшие на месте очаги власти, взявшие в свои руки управление «туземной» жизнью. Однако этот манёвр не удался: руководство округа предпочло обосноваться в быстроразвивающейся Восточно-Эвенской культбазе, а не ехать в заштатный Охотск. Таким образом, бухта Нагаева стала центром и округа, и культбазы, и аппарата Ольско-Сеймчанского района, который создавался как территория преимущественного сосредоточения тунгусоязычного населения (эвенов). В результате окружные власти вступили в конфронтацию и с культбазовцами, и с руководителями «туземного» района.

Окружные чиновники, пользуясь более высоким положением в административной иерархии, предприняли действия по нейтрализации конкурентов. Уже на первом заседании оргкомитета 9 июля 1931 г. были приняты стратегические решения, предусматривавшие либо ликвидацию, либо передислокацию соответствующих структур. Резолюция, согласованная с вышестоящими органами, во-первых, ходатайствовала «о закрытии Восточно-Эвенской культбазы и передаче всех её культурно-социальных учреждений в ведение Охотско-Эвенского окрисполкома». Во-вторых, было инициировано разукрупнение Ольско-Сеймчанского

района с образованием в его восточной части Северо-Эвенского района с центром в с. Наяхан, а центр «урезанного» Ольско-Сеймчанского района перенесён в с. Ола [ГАМО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 211. Л. 23]. Чуть позже был разукрупнён и Ольско-Сеймчанский район, с образованием Ольского и Среднеканского (центры — соответственно, сёла Ола и Среднекан).

Таким образом, в Охотско-Колымском регионе состоялся второй этап переформатирования районов, отмеченный не «собираением» территорий с тунгусским населением, а, напротив, размежеванием. В итоге этническую маркировку получил только один район, а районные центры были удалены от места размещения центральной власти — аппарата округа. Позднее, в середине 1930-х гг., в составе Среднеканского района был создан Юкагирский подрайон, в который вошли места обитания юкагиров — Нелемнский и Коркодонский сельсоветы. Эта акция административного регулирования была направлена на поддержку маломощных юкагирских хозяйств. Однако по ряду причин успеха она не имела, и в 1940-х гг. район был упразднён из-за ликвидации этих сёл и переселения юкагиров в Якутию.

Получила разрешение и ситуация с культбазой: осенью 1931 г. она была ликвидирована, просуществовав немногим более двух лет — гораздо меньше, чем другие учреждения этого типа на Севере. Все её активы «унаследовал» округ. Главной причиной стало двойное давление на культбазу: против её существования возражали и окружные, и районные власти. Руководство ещё не разукрупнённого Ольско-Сеймчанского района, принявшее сторону окружных чиновников, зафиксировало это в своём решении: «В настоящее время, в связи с организацией окружного центра в бухте Нагаева, дальнейшее существование культбазы является нецелесообразным» [4].

В качестве компенсации окружные власти приступили к созданию альтернативных поселенческих структур — национальных центров⁴, расположение которых планировалось приблизить к местам кочевий: «...взамен Нагаевской культбазы — проводника национальной политики только по форме, а не по существу, оргбюро и оргкомитет наметили, провели и проводят целый ряд конкретных мероприятий в области всестороннего подъёма бедняцко-средняцких масс коренного населения, а именно: взамен громоздкой неповоротливой культбазы заложен постройкой национальный центр в Маякане, подготавливается постройка центра в Гаданже, в 1932 г. строительство центров достигнет по округу до 11» [7, с. 33].

Казалось бы, окружные власти победили. Но это была временная победа, поскольку на сцену вышел новый игрок, который оказался сильнее всех. Речь идёт о тресте «Дальстрой», созданном постановлением Совета

⁴ Национальные центры становились базами оседания кочевников и центрами создаваемых оленеводческих коллективных хозяйств. Зачастую их расположение оказывалось неудачным, из-за чего кочевники отказывались селиться в них. В дальнейшем большинство национальных центров стали стационарными сёлами, часть была ликвидирована.

труда и обороны СССР от 13 ноября 1931 г.⁵ Дальстрой представлял собой квазиадминистративно-территориальное образование: ареал его хозяйствования формально входил в состав Дальневосточного (с 1938 г. Хабаровского) края, однако руководство треста подчинялось напрямую центральным органам и обладало всеми управляющими функциями. Экономическая и административно-территориальная доминанта Дальстроя была нацелена на промышленное освоение золотоносного бассейна Колымы. Открытие здесь крупных месторождений переключило внимание центральных властей на общеэкономические задачи, тогда как вопросы «национального» строительства отошли на второй план.

В начале 1932 г. все три «туземных» района, официально оставаясь в составе Охотско-Эвенского округа, фактически перешли под управление Дальстроя. Тем самым судьба округа была предрешена. Первой мерой, предпринятой руководством Дальстроя по «выведению соперника из игры», был перенос центра округа из бухты Нагаева в Охотск, что, по сути, соответствовало первоначальному замыслу Комитета Севера. Дальнейшая административно-территориальная экспансия выразилась в том, что спустя менее чем два года, в соответствии с постановлением ВЦИК от 22 июля 1934 г., Охотско-Эвенский национальный округ был ликвидирован. Отсюда видно, что политическая мощь Дальстроя была такова, что ему проще было упразднить весь округ, нежели бороться за «отрезание» от него «своего» региона (Северо-Эвенский, Ольский и Среднеканский районы). Проблемы социально-экономического развития аборигенов перешли в ведение руководства треста.

Таким образом, общие экономические и политические планы развития страны в данном случае пошли вразрез с этноспецифическими задачами, что повлекло за собой номинальную детерриториализацию этничности, последняя с тех пор и до настоящего времени сохраняется лишь в названии Северо-Эвенского района.

Политические изменения начала 1950-х гг. привели к ослаблению, а затем и ликвидации Дальстроя. Но ещё задолго до этого, в 1939 г., трест «зашёл» на территорию Чукотки, где были разведаны промышленные запасы олова, вольфрама и золота. Присутствие Дальстроя на значительной части Чукотского округа сказалось на статусе последнего в 1953 г., когда решался вопрос об административно-территориальном устройстве Крайнего Северо-Востока вне юрисдикции треста.

Руководство края стремилось сохранить эту территорию в своём управлении, выдвинув предложение об образовании «в составе Хабаровского края Колымо-Чукотской области» [3, с. 43]. Эта позиция не была поддержана центральными органами, так как в пользу самостоятельности региона говорили его огромные размеры, промышленная значимость и большой опыт административной независимости. Последний

⁵ Государственный трест по промышленному и дорожному строительству в районе Верхней Колымы СТО (Совета труда и обороны), с 1938 г. — Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД.

фактор, который можно квалифицировать как пролонгированное действие Дальстроя, обусловил также включение во вновь организуемую область территории Чукотки. Неприемлемым оказалось и наименование «Колымо-Чукотская», которое, как было признано, «ущемляет автономию Чукотского национального округа» [3, с. 43]. По-видимому, в дублировании названий усмотрели опасность размывания этнической самобытности округа. В итоге область получила название Магаданской [10].

Описанные процессы территориализации и детерриториализации этничности путём изменения административно-территориальной структуры контролировались органами власти высокого уровня, не связанными напрямую с интересами местных сообществ. Эти трансформации являлись следствием вертикальных подвижек, отражавших общую для страны политическую и социально-экономическую динамику. Дальнейшее административно-территориальное развитие Крайнего Северо-Востока отмечено разнонаправленными тенденциями в плане учёта этнического фактора. Принципиально новым здесь стало возникновение низовых движений, протекавших не извне, а внутри аборигенных сообществ. Наиболее значимыми из них оказались борьба жителей Чукотки за выход из состава Магаданской области и аборигенов г. Магадана за статус территории компактного проживания.

ЧУКОТСКИЙ ОКРУГ: ДВИЖЕНИЕ ЗА АВТОНОМИЮ

Политические перемены во время перестройки повлекли за собой взрывную активизацию этнического фактора. Провозглашение суверенитетов вызвало резонанс и на Чукотке. Управленческий аппарат активно включился в движение за выход из состава Магаданской области и получение более высокого административного статуса. Окружная партийная конференция в 1990 г. поддержала решение II сессии окружного Совета народных депутатов «О провозглашении Чукотской Советской Автономной Республики» [ГАМО. Ф. П-22. Оп. 26. Д. 1. Л. 76]. Руководители различного уровня и разных сфер деятельности связывали с обретением самостоятельности прежде всего финансовое благополучие: *«Надо добиваться, чтобы округ был самостоятельным, образовать свободную экономическую зону»* [ГАМО. Ф. П-22. Оп. 26. Д. 1. Л. 34]; *«Я считаю, что Чукотке нужна самостоятельность, потому что её богатства уходят куда-то и народ этого не видит. Я имею в виду и природные богатства»* [ГАМО. Ф. П-612. Оп. 36. Д. 1. Л. 139]. С ними были согласны в подавляющем большинстве и рядовые жители: *«Я хочу сказать насчёт республики. Сам я — чистый чукча, родился в пологе в 1942 году. Нас по рации спрашивали: вы за республику? Мы все чукчи — за!»* [ГАМО. Ф. П-612. Оп. 36. Д. 1. Л. 139].

В то же время этнические активисты вносили в это движение определённый националистический оттенок. Разделяя экономическую оза-

боченность управленческих элит и местного населения, они в своей риторике, по сути, воспроизводили давнюю идею членов Комитета Севера о субъектности аборигенных народов как ведущем принципе регионализации Крайнего Севера: *«Я считаю, что республика нужна. Прежде всего, это, конечно, касается нас, как носителей автономного образования, представителей малочисленных народов, населяющих Чукотку веками»; «Носителем федерации являются коренные жители. Пусть нас немного, но носителем и основателем территориально-национальной единицы автономного округа являются коренные жители»; «Я как историк хочу сказать, что наш округ был образован 10 декабря 1930 года. Нигде, ни в одном документе не сказано, какими правами пользуется округ, что он может. Единственное, написано, что это временная мера: округ — переходный административно-государственный аппарат. Вы здесь говорите об экономическом обосновании. Но сейчас мы не можем говорить. Бюджет не утверждён. Мы только сейчас нашли, какой процент и чего давали на Чукотку, какие ассигнования. Я в Министерстве культуры СССР узнала, что как дополнительные средства на культуру, в том числе на музеи, дан 1 миллион рублей. Куда он делся? Куда его [имярек] дел? Никто не знает. Сейчас, когда бюджет не принят, нет многих законодательных актов, очень трудно обосновать экономически. Но мы же говорим ещё о политическом моменте, что будем самостоятельными. Это нужно прежде всего нам. Если мы раньше с поклоном ходили, и нам говорили: „Что вы, чукчи, приехали сюда, езжайте в свою Магаданскую область и решайте там свои дела“, то сегодня нам руку жмут: „А, вы уже республика? Давайте поговорим конкретно по вашим материалам“. Теперь уже на каком-то совещании говорят, что здесь есть и с Чукотки. Это на словах, но уже и это много. Мы самостоятельно должны развиваться и сами решать, что нам нужно и как нужно делать»* [ГАМО. Ф. П-612. Оп. 36. Д. 1. Л. 53, 138, 139].

Таким образом, теоретические положения, разработанные вне аборигенного сообщества, будучи усвоенными этническими активистами, стали ведущим мотивом их участия в движении по пересмотру региональных границ. В итоге предоставление Чукотскому автономному округу административной самостоятельности и его отделение от Магаданской области в 1992 г. стало результатом как вертикальной трансформации, обусловленной политическими переменами, так и горизонтальной, поскольку её проводниками становились представители местных элит и обычные жители, так или иначе заинтересованные в актуализации этнического аспекта административного устройства и связывавшие определённые ожидания с повышением статуса в территориальной иерархии.

В постперестроечный период многие индустриальные поселения Крайнего Северо-Востока, связанные с горной добычей, опустели, в то время как сёла аграрной специализации, напротив, уцелели. В них происходило повышение этнической однородности вследствие массового выезда пришлого населения. В результате в регионе формировалась новая

этническая очаговость: помимо держащихся на плаву оленеводческих коллективов, фактический «национальный» состав обрели многие глубинные сёла. Однако устойчивость этих социальных и локальных единиц оказалась различной в Чукотском округе и в Магаданской области. Если в первом повсеместно сохраняются аборигенные поселения и работают оленеводческие хозяйства, то во второй несколько таких сёл и всего лишь одно хозяйство имеются только в отдалённом Северо-Эвенском районе, который стал своего рода этническим анклавом области.

В последние десятилетия в Магаданской области, в отличие от Чукотки, среди аборигенов массовое распространение получила внутрорегиональная миграция. Всё большее их число переселяется в крупные посёлки, районные центры и города. «Исход» коренных жителей привёл к тому, что подавляющее их большинство населяет городскую местность, при этом более трети проживают в областном центре — г. Магадане. Именно поэтому здесь развернулось низовое, горизонтальное движение за этническое маркирование данной административно-поселенческой структуры.

ГОРОД МАГАДАН: ЭТНИЗАЦИЯ ТЕРРИТОРИИ

Как упомянуто выше, представители коренных народов на берегу бухты Нагаева изначально не проживали. Развившийся на основе Восточно-Эвенской культбазы г. Магадан стал результатом деятельности треста «Дальстрой», который, кроме того, выстроил в черте города крупный морской порт и проложил Колымскую трассу от Магадана до приисков. Таким образом, Магадан как населённый пункт является поздним образованием, появившимся в качестве «входных ворот» к золотым недрам края.

Месторасположение Магадана не слишком удобно для аборигенов, они тяготели к богатым рыбой устьям рек и мелководным, подходящим для морского зверобойного промысла бухтам. Именно там исторически складывались их поселения. Глубоководная бухта Нагаева, на берегах которой начал строиться город, была важна прежде всего в транспортном отношении — здесь могли приставать крупнотоннажные суда. Более того, изначально Магадан строился как временный пункт перевалки грузов, а центр Охотско-Колымского края планировали построить на континенте, поближе к золотым приискам. Однако по целому ряду причин этого не произошло, и Магадан остался административным центром.

В постперестроечное время областной центр стал наиболее благоприятным местом проживания. Он был притягателен для аборигенов и к настоящему времени вышел на первое место по численности проживающего там коренного населения. Вместе с тем, согласно распоряжению Правительства РФ № 631-р от 08.06.2009 г., определяющему перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов России, Магадан, в отличие от ряда других административно-территориальных единиц области, таким

местом не является. Поэтому переселяющиеся аборигены, если они не сохраняют регистрацию в местах выхода, теряют ряд льгот. В частности, к ним относится право досрочного получения социальной пенсии и право бесплатного вылова определённого количества рыбы лососёвых пород.

Магаданские аборигены на протяжении по крайней мере последних 10 лет ведут активную деятельность, направленную на включение города в официальный перечень мест традиционного проживания коренных жителей, но успехом это движение пока не увенчалось. Основное препятствие состоит в трудности обоснования такого включения, поскольку в город люди переселились недавно, традиционное хозяйство вести здесь не могут. Прослеживаются два подхода, посредством которых идёт легитимизация присутствия аборигенов в городе как традиционного явления. Этнические лидеры, главным образом официальные должностные лица, используют путь ретроспективной традиционализации: территорию современного Магадана они осмысливают как место традиционного обитания аборигенов в прошлом, а для подтверждения данных представлений обращаются в научные учреждения с просьбой «дать описание культовых и обрядовых мест, пастбищ или маршрутов кочёвок, мест стоянок» именно на территории города⁶. Таким образом, они определяют Магадан местом компактного проживания аборигенов исходя не только из наличного их присутствия здесь, но и из подразумеваемой ретроспективной укоренённости.

У коренных жителей, чья деятельность не была связана с защитой своих прав, подход несколько иной — его можно назвать перенесением традиционности. Они осознают себя коренными жителями именно городского пространства, носителями самобытной этничности, которая проявляется уже не столько в традиционном хозяйстве, сколько в празднично-ритуальной культуре, сувенирных промыслах, огородничестве как освоении земли, непосредственно входящей в городскую черту, и в целом носителями особого самосознания: «Город Магадан фактически стал лидером по числу коренных малочисленных народов в Магаданской области. Здесь, в городе, коренные малочисленные народы Севера ведут традиционную хозяйственную деятельность — художественное творчество, народные ремёсла, рыболовство, земледелие (огородничество)» [8]. Таким образом, повседневная жизнь и интересы представителей малочисленных этнических сообществ сместились в городскую сферу, и теперь они устанавливают с этой территорией новую этномаркированную связь.

В целом движение за присвоение статуса места компактного проживания, посредством которого магаданские аборигены стремятся убедить законодательные органы, независимо от формы выражения оказывается проявлением низового процесса по изменению правовой позиции, связанной с административно-поселенческой структурой.

⁶ Обращение Администрации Магаданской области № 37-СО от 11.04.2013 г. в Северо-Восточный комплексный институт ДВО РАН.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложенная нами трансформационная модель этнических процессов описывает ведущую роль государственной власти в административно-территориальном устройстве Крайнего Северо-Востока. В рамках созданных вертикальной властью территориальных структур в определённые моменты получают развитие низовые, горизонтальные этноподдерживающие движения. В течение новейшего времени процесс этноориентированного административно-территориального обустройства на Крайнем Северо-Востоке получил ярко выраженное воплощение в целом ряде мероприятий центральной власти. В первоначальный советский период власть создавала этномаркированные административные единицы как воплощение идеальной модели патерналистских взаимоотношений государства и местных этнических сообществ. Территории их проживания структурировались таким образом, чтобы достичь максимальной этнической гомогенности, что в числе других факторов легитимизировало особые права «титულных» этносов. В целом этот процесс можно обозначить как территориализацию этничности.

В дальнейшей административно-территориальной политике советского государства прослеживается переход от этноспецифических к общесоциальным формам, что вызвано текущими процессами миграций, экономического освоения, взаимодействия властных структур на местах. Особенно заметно отказ от этнического принципа районирования прослеживается в Охотско-Колымском регионе, где «давление золота» превысило этническую направленность государственной политики и привело к ликвидации национального округа в самом начале его существования. В целом советское время характеризуется ярко выраженной вертикальной трансформацией административной структуры Крайнего Северо-Востока.

В рамках учреждаемых этноориентированных административных и поселенческих рамок люди имели определённую свободу действий, которая иногда ломала создаваемые институты и инфраструктуры: например, аборигены не селились в предназначенных для них культбазах, национальных центрах. Или же, напротив, мигрировали из сельских мест преимущественного проживания в новые для них городские условия.

Усиление этнического фактора в общественной и быденной жизни во время перестройки ознаменовалось крупной административной подвижкой — реальной автономизацией Чукотского округа. Данный процесс стал результатом борьбы местных управленческих элит, этнических активистов и рядовых членов сообщества, интересы которых в этом движении совпали. Можно говорить об элементах горизонтальной трансформации, поскольку центральные органы отреагировали на требования, выдвигаемые на местах.

Примером же истинного горизонтального низового движения в сфере этнического номинирования территориальных структур является борьба

этнических активистов за признание г. Магадана территорией компактного проживания коренных малочисленных сообществ. Этот социальный сдвиг можно обозначить как переход от территориализации этничности к этнизации территорий. Действительно, аборигены, переселяясь в город, как бы помечают своей осознаваемой этничностью новые локации и пространства.

Направленность активистских действий магаданских аборигенов подтверждает основное положение нашего исследования об определяющей роли государственных структур в поддержании этничности посредством территориального администрирования. Борясь за расширение своих прав, аборигены стремятся закрепить их в наличных институтах, которые, в свою очередь, являются инструментом власти, направленным на регулирование этнических процессов. Низовая этничность в конечном счёте «отвердевает» в формах, легитимность которым придаёт их включённость в общую архитектуру государственной власти.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Арчер М. Реализм и морфогенез // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 50—68.
2. Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. М.: Новое издательство, 2006. С. 9—48.
3. Бубнис Г.К. Из истории образования Магаданской области // Краеведческие записки. Магадан: Кн. изд-во, 1982. Вып. 12. С. 41—49.
4. Восточно-Эвенская (Нагаевская) культбаза. URL: <https://mounb.ru/vostochno-evenskaaya-nagaevskaya-kultbaza> (дата обращения: 14.06.2021).
5. Делёз Ж., Гваттари Ф. Ризома // Восток. 2005. № 11/12 (35/36). URL: https://web.archive.org/web/20180929012423/http://www.situation.ru/app/j_art_1023.htm (дата обращения: 04.03.2021).
6. История Чукотки с древнейших времён до наших дней. М.: Мысль, 1989. 492 с.
7. Козлов А.Г. Магадан: возникновение, становление и развитие административного центра Дальстроя (1929—1945). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2007. 306 с.
8. Молчанова О. Лишили права на традиционный промысел рыбы и добычу морского зверя // Вечерний Магадан. 2021. 8 апреля.
9. Постановление Президиума Далькрайисполкома «О проведении районирования Дальневосточного края» // Тихоокеанская звезда. 1932. 23 ноября.
10. Рощупкин Г.Г., Бубнис Г.К. К вопросу об административном устройстве и территориальном делении Колымы и Чукотки (1917—1967 гг.) // Краеведческие записки. Магадан: Кн. изд-во, 1972. Вып. 9. С. 67—75.
11. Советы Северо-Востока СССР: сборник документов и материалов (1928—1940 гг.). Магадан: Кн. изд-во, 1979. 287 с.
12. Тураев В.А. Дальневосточные звенки: Этнокультурные и этносоциальные процессы в XX веке. Владивосток: Дальнаука, 2008. 280 с.
13. Фрейзер Н. Фуко о современной власти: эмпирические прозрения и нормативная путаница // Неприкосновенный запас. 2013. № 2 (88). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/88_nz_2_2013/article/10410/ (дата обращения: 27.05.2021).
14. ГАМО (Гос. арх. Магаданской области).

REFERENCES

1. Archer M. Realizm i morfogenez [Realism and Morphogenesis]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 1994, no. 4, pp. 50–68. (In Russ.)
2. Bart F. Vvedenie [Introduction]. *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichiy* [Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Cultural Differences]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2006, pp. 9–48. (In Russ.)
3. Bubnis G.K. Iz istorii obrazovaniya Magadanskoj oblasti [From the History of the Formation of the Magadan Region]. *Kraevedcheskie zapiski* [Regional Notes]. Magadan, Kn. izd-vo Publ., 1982, iss. 12, pp. 41–49. (In Russ.)
4. *Vostochno-Evenskaya (Nagaevskaya) kul'tbaza* [Eastern Evenskaya (Nagaevskaya) Cultural Base]. Available at: <https://mounb.ru/vostochno-evenskaya-nagaevskaya-kultbaza/> (accessed 14.06.2021). (In Russ.)
5. Delez Zh., Gvattari F. Rizoma [Rizoma]. *Vostok*, 2005, no. 11/12 (35/36). Available at: https://web.archive.org/web/20180929012423/http://www.situation.ru/app/j_art_1023.htm (accessed 04.03.2021). (In Russ.)
6. *Istoriya Chukotki s drevneyshikh vremen do nashikh dnei* [The History of Chukotka from Ancient Times to the Present Day]. Moscow, Mysl' Publ., 1989, 492 p. (In Russ.)
7. Kozlov A.G. *Magadan: vzniknovenie, stanovlenie i razvitie administrativnogo tsentra Dal'stroja (1929–1945)* [Magadan: Origin, Formation, and Development of the Administrative Centre of Dalstroy (1929–1945)]. Magadan, SVKNII DVO RAN Publ., 2007, 306 p. (In Russ.)
8. Molchanova O. Lishili prava na traditsionnyy promysel ryby i dobychu morzverya [Deprivation of the Right to Traditional Fishing and Sea Animals Prey]. *Vecherniy Magadan*, 2021, April 8. (In Russ.)
9. Postanovlenie Prezidiuma Dal'kraispolkoma «O provedenii rayonirovaniya Dal'nevostochnogo kraja» [Resolution of the Presidium of the Dalkrai Executive Committee “On the Zoning of the Far Eastern Territory”]. *Tikhookeanskaya zvezda*, 1932, November 23. (In Russ.)
10. Roshchupkin G.G., Bubnis G.K. K voprosu ob administrativnom ustroystve i territorial'nom delenii Kolymy i Chukotki (1917–1967 gg.) [On the Question of the Administrative and Territorial Division of Kolyma and Chukotka (1917–1967)]. *Kraevedcheskie zapiski* [Regional Notes]. Magadan, Kn. izd-vo Publ., 1972, iss. 9, pp. 67–75. (In Russ.)
11. *Sovety Severo-Vostoka SSSR: sbornik dokumentov i materialov (1928–1940 gg.)* [The Soviets of the North-East of the USSR: A Collection of Documents and Materials (1928–1940)]. Magadan, Kn. izd-vo Publ., 1979, 287 p. (In Russ.)
12. Turaev V.A. *Dal'nevostochnye evenki: Etnokul'turnye i etnosotsial'nye protsessy v XX veke* [Far Eastern Evenks: Ethnocultural and Ethnosocial Processes in the 20th Century]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2008, 280 p. (In Russ.)
13. Freyzer N. Fuko o sovremennoy vlasti: empiricheskie prozreniya i normativnaya putanitsa [Foucault on Modern Power: Empirical Insights and Normative Confusion]. *Neprikosnovennyi zapas*, 2013, no. 2 (88). Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/88_nz_2_2013/article/10410/ (accessed 27.05.2021). (In Russ.)